



РОДНИК

...И человек, если помочь ему, тянется вверх,
как виноградная лоза...

В первые два года войны я ходил в детский сад. Мы, ребята, очень не любили спать днем, и поэтому так хорошо запомнилось, что меня трижды освобождали от дневного сна. Первый раз я с радостью прибежал домой. Но потом... Потом я уже знал, что раз отпускают, значит, дома несчастье. Пришла очередная похоронная. Трое мужчин ушли из нашего дома на фронт. Все трое погибли. Три сына моего деда. И в ту тяжелую минуту я был, не считая деда, единственным мужчиной в семье.

Вот бегу я, сияющий, из детсада домой и вдруг вижу: в нашем дворе народу — как на площади, пожилые мужчины молча стоят, курят. А из окон и дверей дома доносится женский плач. Там — бабушка. Дед подзывает меня и велит отнести бабушке воды. Тогда я не знал, для чего это надо. Лишь годы спустя понял, для чего так поступил дед: бабушка должна была в ту тяжкую минуту увидеть своего внука, который подносит ей стакан воды. И именно это должно было ей напомнить, что надо беречь себя, что она еще нужна кому-то. Был особый смысл и в самом этом стакане. Ведь говорят иногда об одинокой старости: мол, случись что, некому будет стакан воды поднести.

И расчет деда сбылся: бабушка, окруженная рыдающими женщинами, завидя меня, сначала заплакала еще громче, а потом постепенно начала утихать. С тех пор стакан воды стал для меня дорогим символом, связанным с памятью о деде. Деда я не просто помню, я не расстаюсь с ним. С годами нуждаюсь в нем все больше.

...В Карабахе его называли Маркос-папик. Дедушка Маркос. Это был совершенно неграмотный человек. Я никогда не видел его в лежачем положении. Дед любил пошутить: «Мужчина днем может лежать только в гробу». Когда он умер, я работал на Камчатке. Пока летел, деда похоронили. Так что я его лежащим в гробу не видел. Возможно, в дедушке Маркосе

пропал какой-то особый талант — музыканта, математика или писателя. Может, он втайне очень страдал оттого, что не имел в жизни возможности развить заложенные в нем от природы способности, я не знаю. Ничего такого я не замечал. Мне он просто казался всезнающим. Хотя сам он многознаек не любил. Позже, когда я выписывал у Гераклита: «Многознайство уму и мудрости не научит» и у Демокрита: «Многие многознайки не имеют ума», я с нескрываемой гордостью думал о дедушке Маркосе, который считал: «Человек не может знать все, но есть вещи, которые он не имеет права не знать». Например, нельзя не знать, что если ты бросил на пыльную дорогу хотя бы кусочек хлеба, значит, дорога эта приведет тебя к несчастью.

Каждый раз, когда вижу похороны, вспоминаю один эпизод из детства. Мы с дедом гуляем по улице. Вдруг какая-то странная музыка. «Что это?» — спрашиваю я. — «Просто человека хоронят». — «А кто умер?» — «Умер человек».

Перекресток наполняется медленно идущими людьми. Гроб несут на руках. Покойника я не вижу. Вижу только цветы. Люди несут много венков, и улица на глазах будто расцветает. «А почему так много цветов?» — донимаю я деда. На все мои вопросы у него всегда приготовлены ответы. А тут задумался: «Как почему? Цветы нужны всем». — «А зачем они покойному?» Он отвечает почти сердито: «Цветы, конечно, нужно дарить живым. Но мы часто забываем это делать».

Дед никогда не повышал на меня голоса, хотя причин для этого было немало. Никогда не читал нравоучений. Но когда я ему в чем-то поддакивал, он хмурил белые брови: «Надо всегда иметь свое мнение. Пусть жиденькое, но свое. А то ведь как бывает: один съел змею, говорят — он голоден, другой съел, говорят — лекарство. Нельзя угождать».

Кажется, не только у меня, но ни у кого из моих одноклассников не было отца. Все отцы воевали на фронте. И я не переживал, что у меня нет новых ботинок, нет велосипеда, что сегодня лягу спать на голодный желудок. Усвоил от деда, что дерево у воды быстро растет, но и быстро чахнет. Он не раз мне показывал такие деревья. Я никогда не врал деду. Хотя не помню, чтобы он мне внушал, что обманывать, мол, плохо, грешно. Он все это делал иначе. Он говорил, как поэт: «Кривая стена рано или поздно рухнет». И я беспрекословно верил деду: у лжи огромная, зубастая, прожорливая пасть, и если не придет правда, ложь успеет проглотить весь свет.

Мне рассказали, как старики на похоронах не могли припомнить случая, чтобы за свои девяносто три года дед незаслуженно обидел кого-то. Я это знал сам. Дедушка Маркос часто сравнивал человека... с хлебом. Говорил, что у обоих многотрудная судьба. И что незаслуженной обидой можно сломать хребет человеку, ну а сломанный хлеб никогда не станет целым.

Помню, в четвертом классе я запустил уроки. Старая учительница Софья Амбарцумовна, которую мы всегда видели в черном, пришла к деду и сказала, что внук может потерять год. Дед несколько не возмутился, спокойно сказал: «Год не потеряется. Просто получится, что он родился умом на год позже».

Четвертый класс я завершил успешно. И к нам больше не приходила старая учительница. Но разговор о потерянном времени повторился гораздо позже. Я находился тогда очень далеко от деда. Мне было плохо. И я не выдержал, написал, что все валится из рук, что теряю и теряю годы. Вскоре получил ответ, который дед, как всегда, продиктовал соседскому мальчику:

«...Разве ты не знаешь, что человек не теряет ни минуты? Разве ты заснул на годы? Разве умер? Ты живешь. А раз живешь, значит, не потеряешь. Бойся, если ничего не найдешь. В нашем селе был священник, единственный грамотный человек в округе. Он много странствовал, знал несколько языков. Умел лечить травами. Его любили. Ходили к нему за помощью, за советом. Сам он никогда ничем не болел, хоть и был возраста преклонного. Но однажды в село ворвались османские головорезы и на глазах у священника вырезали всю его родню. Дочь священника готовилась стать матерью. На его глазах ятаганом распероли ей живот.

Священник слег и несколько месяцев находился в полном беспомоществе. Народ уже собрался было хоронить своего просветителя, когда тот в одно утро вдруг вышел на улицу. Люди говорили, что Бог вернул этому человеку жизнь, но отобрал у него память. Священник забыл языки, забыл травы, которыми лечил больных. Знал и забыл. Вот это уже называется «потерял».

А на крыше дома лентя громоотвод не нужен. Гореть там нечему. Годы — что дома. Они или бывают пустыми, или — полны богатства. Все зависит от человека. Бойся, чтобы годы не прошли мимо тебя».

Порой самые незначительные эпизоды из прошлого потом, на расстоянии, обретают для нас значение событий. Помню, с

соседским мальчишкой мы баловались: не давали друг другу напитоксы воды. Он наклонится к роднику — я его толкаю; я наклонюсь — он меня. Заметил это дедушка Маркос. Его лицо, и так всегда спокойное, стало в тот момент очень уж серьезным. Он сказал: «Разве вы не знаете, что даже змея не трогает человека в момент, когда тот пьет воду». От нашего веселья и следа не осталось. Так подействовало это самое: «даже змея». Человека, который пьет воду, нельзя не то что толкать, но и трогать. Да еще когда он наклонился над родником. Он весь расслаблен. Он — мирный. Гляди, даже змея это понимает. А ты ведь человек.

Как-то меня схватили колики в животе. Я весь скрючился. Не кричал лишь потому, что стеснялся деда. Он спросил: «Что ты ел?» Я сказал: всего-то пару ложек меду. Он улыбнулся. Это означало, что диагноз установлен. Дед просто догадался, что сразу после меда я выпил студеной воды. А этого, оказывается, делать нельзя. И чтобы я усвоил урок навеки, он рассказал притчу.

...Седовласый мудрец ходил по карабахским селам и учил людей уму-разуму. Устраивался он обычно неподалеку от родника и наблюдал, как люди воду пьют. Как-то с утра подошел к роднику поджарый крестьянин с косой на плече и, напившись воды, с широкой улыбкой на лице довольно произнес: «Ухай!»

«Что ты такое поел с утра? — спросил крестьянина мудрец. — Отчего с такой охотой пьешь холодную воду?» — «Лаваш с сыром», — ответил тот. «На, возьми золотой и ступай на сенокос», — одобряюще сказал незнакомец. Этот странный диалог услышал другой крестьянин, толстый, с отечным лицом. И подумал: сумасшедший старик дал золотой только за то, что человек пил холодную воду после сыра. Так сколько же он даст, если наестся меду! И толстяк побежал домой. Вскоре, задыхаясь, он вернулся к роднику и стал, причмокивая, пить. Утолив жажду, громко произнес: «Ухай!» Тотчас же последовал традиционный вопрос старца. И толстяк с гордостью ответил: «Меду». — «Торопись домой, глупец, — сказал незнакомец, — и ложись в постель, а не то, чего доброго, помрешь прямо на улице».

Притчу я запомнил на всю жизнь. Она ничуть не противоречит современной диетологии. Я успел уже поведать ее своим детям.

...Собрались как-то родственники у деда на семейный совет. Племянник надумал разводиться с женой. Нашла коса на камень. А у них двое маленьких детей. И чего только не говорили

о нашей невестке! Вредная она, превредная. И соленья на зиму не приготовит, и суп не может сварить, ну и, конечно, язык длиннющий. Кто-то сказал, что давно пора развестись, а дети, в конце концов, и без отца вырастают. Дети всегда вырастают.

Дед, как всегда, говорил последним. Начал он издалека. Травинка, говорил он, камень пробивает. И все изумляются, как такая хрупкая ниточка раскалывает камень. Изумляются, но не задумываются, что такая травинка живет меньше своих сверстниц, выросших в мягкой земле и под солнцем. Обращаясь сразу ко всем, довольно грозно спросил: «Разве вы не знаете, что сироты стареют раньше других?!»

Мне рассказывали, как горько рыдала у гроба бабушки Маркоса та наша невестка, вырастившая в крепкой семье двух крепких сыновей. Одна из самых древних армянских традиций — сотворить (так и говорят: «сотворить») памятник-родник в честь какого-то выдающегося события или дорогого человека. На горной дороге, ведущей в село Агорти, бабушка Маркос сотворил памятник-родник. Я ему помогал. Таскал камни. Приносил еду. Дед трудился с утра до вечера. Он не просто тесал скальные камни — он высекал узоры. Тщательно измерял высоту камня, на котором должен зажурчать родник: надо, чтобы человеку удобно было, наклонившись, напиться. Сначала я всего этого не понял: зачем так много узоров на камне, зачем горсть винограда, листья дуба, плоды граната? Дед объяснил: «Тропа горная. Путник, особенно в знойную пору, разгоряченный нелегкой дорогой, не должен с ходу припасть к студеной воде. Он должен остановиться, присмотреться, полюбоваться. Прочтет слова на одном камне и узнает, в честь кого установили памятник-родник. Прочтет на другом камне слова: «Первый глоток — младшему, первое слово — старшему», — призадумается, вспомнит детей своих. Вот тут-то и время выиграет. Пот остынет. Тогда и можно напиться вдоволь, не боясь, что заболеешь».

Когда я уже жил в разлуке с дедом, на Камчатке, написал однажды в газете о том, как мой дед всегда хлеб режет стоя. Это был его высший обряд. Культ почитания хлеба. Вскоре я приехал к деду. Ему, оказалось, рассказали о публикации. Он был удивлен, что я всю жизнь замечал, как он режет хлеб стоя. Обрадовался, узнав, что я сам давно делаю только так. Я смотрел на него, похудевшего, согбенного (только глаза были по-прежнему лукавые, яркие), и меня одолевали тревожные мысли. А он, словно угадав их, тихо сказал: «Я ее не боюсь. Я ее жду. Гру-

ша не может вечно висеть на дереве. Бог горе дал горам — не выдержали. Отнял у них и передал людям. Люди выдержали. Так нужно. Вернее, иначе нельзя...»

Смерть постучалась к нему в дверь зимой, в слякотную пору. Дедушка Маркос переживал, что умрет в непогоду и прибавит всем хлопот. А дома мужчин нет. Сыновья погибли на фронте. Внук находится на краю света. И он буквально сотворил чудо: через силу заставил себя еще пожить, дотянуть до весны. Умер в теплый, погожий день.

На одной из могил степанакертского кладбища установлен скальный камень. На нем высечены слова: «Мой дед хлеб резал стоя».

Вспоминаю: как однажды я осмелился прямо, как говорит-ся, в лоб, назвать деда мудрецом. Он спросил, как я понимаю это слово. Я все собрал в кучу: седые волосы, и ум, и спокойствие во время грозы, и знание жизни. Приплел сюда незнакомые ему имена Сократа и Платона. Он терпеливо выслушал, а потом «приземлил» меня: «Мудрым можно назвать любого человека, седовласого старца или безусого юношу, если он учится жить у природы. Природа — это и есть сама мудрость. В ней заложена забота и беспокойство за каждое новое поколение, за сохранение всего лучшего на земле».

Мудрым, оказывается, можно считать лишь того, кто хорошо усвоил, куда девается зерно, брошенное в борозду. Дед меня как-то спросил об этом, и я удивился: как куда? Разве не ясно, что из зерна вырастает пшеница, из которой потом пекут хлеб? Дед качал головой и пытал меня: ну, а куда девается само зерно, много зерен? Выходит, все они погибают? Это лишь потом, в ВУЗе, когда в наши головы будут вдальбивать философские категории, я узнаю о законе отрицания отрицания. И тогда вновь вспомню моего неграмотного деда, который очень даже хорошо знал, куда девается зерно в земле. Нет, оно никогда не погибает, а всегда — рождает.

Зерно, брошенное в землю дедом, было когда-то брошено в землю его дедом и прадедом. Это тоже мысли дедушки Маркоса, для которого даже зерно, хлеб были живой памятью о предках. Памятью, перед которой нужно уважительно встать, если даже тебе пошел десятый десяток. Памятью, перед которой надо склонить голову, как жаждущий перед памятником-родником. Еще никто не пахал, не сеял, не убирал хлеб сидя, с запрокинутой вверх головой. Только — стоя, с опущенной головой. Хлеб на столе — что царь на престоле. А перед царем все

стоят. И перед хлебом должны стоять. Так делал мой дед, который мудрым считал не того, кто протягивает руку ближнему, а того, кто делает это вовремя. Кто подносит человеку стакан воды в нужную минуту.

Как-то я спросил деда, зачем люди при встрече жмут друг другу руки. Он рассказал притчу о том, что рукопожатие — это знак мира: смотри, у меня в руке нет оружия. Все на этой земле проходит через руки человеческие. И золото тоже. Но нет ничего дороже руки, протянутой для дружеского рукопожатия.

На крыше нашего дома дед водрузил длиннющий шест. Привязал к верхотуре веревку, которая спадала до самой земли к подножию тонкого, хрупкого черенка виноградной лозы. Я все удивлялся, с какой быстротой лоза взбирается по веревке. На какую же высоту может подняться виноград? С этим вопросом пришел к деду. Дед будто давно ждал моего вопроса, он сказал: «Об этом как-то спросили саму виноградную лозу, и лоза ответила: «Дайте мне руку, и я дотянусь до солнца». — И, помолчав, добавил: — И человек, если помочь ему, тянется вверх, как виноградная лоза...»